

Любовь Борусяк

**Выступление на Круглом столе
«30 лет гласности: К чему пришли сегодня?»**

17 марта 2015 г.

Так сложилось, что шестнадцать лет я работала социологом на телевидении. А это особая позиция. Потому что, с одной стороны, инсайдер, с другой стороны, на все происходящее смотришь снаружи. Потому что ты не можешь быть социологом, если чувствуешь себя принадлежащим к корпорации с ее законами. (Кстати говоря, за нарушение меня и выгнали. Я была одной из первых людей, кого выгнали не из журналистов с телевидения за публикацию в одной из газет. С тех пор я счастливо живу уже семь лет. Была первой и очень довольна этим).

Два кратких замечания. Давайте не будем говорить про сверхценность свободы, давайте ограничимся ценностью – этого будет достаточно. Потому что сверхценность – наверное, это вообще не самое прекрасное, что есть, хотя про свободу я бы не возражала.

Мне много лет приходилось читать и слушать примерно одно и то же: у нас народ требует воспитания, мы элита, мы журналисты, мы телевизионщики и т.д. Мы должны заниматься просвещением, их воспитывать. Народ возражал, потому что заставить что-то смотреть или читать насильно нечто с полезными, диетическими свойствами - невозможно.

Очевидно, что лошадь можно привести на водопой, заставить пить. Или если что-то в голове не укладывается, если массовое сознание не готово воспринять какую-то информацию – заставить это сделать невозможно, о чем сегодня все время и говорили.

Но сейчас мне кажется (как социолог я все-таки, наверное, на стороне народа), что немножко мы пошли в другую сторону. А почему у нас такой народ? Вот такой нам плохой достался, что не ценит нас, людей с такими замечательными взглядами, таких прекрасных журналистов и т.д. С одной

стороны, тупой – надо просвещать. С другой стороны, тоже тупой, потому что он не хочет свободы, а хочет несвободы. Если бы нам дали другой народ, сейчас бы у нас было все замечательно и прекрасно.

Наверное, все устроено сложнее. С конца 91-го года я работала на телеканале «Россия», потом на другом телеканале и наблюдала происходящие события. Для меня ключевым годом, наверное, был 95-й. В каком смысле? То есть можно отмечать 20-летие, когда впервые стали награждать премией Тэффи. Тогда остаточное понимание, что такое журналистское сообщество, еще существовало.

И я отлично помню, как все гордились, что получил премию Сванидзе, что получил Борис Берман, который на вручении сказал, что мы знали себе цену, но не знали, что она так высока. И это вызывало уважение не только у сотрудников телеканалов и журналистов, но это вызывало уважение к тем, кто это делает, и обществу в целом.

Потом ситуация изменилась. Я отлично помню, как началась торговля. Тоже, наверное, все знают. А давайте выставим программу, условно: «Сто к одному» как детскую, и вы за нее проголосуете, хотя ни один ребенок эту программу никогда не смотрел. Журналистское сообщество тоже ее наградило как детскую. А вы нам за это проголосуете за эту программу.

И надо сказать, что процесс ухода, вообще понятие о журналистской честности, о журналистском сообществе как таковом, это такой бизнес-процесс, я бы сказала, пошел очень быстро. И, конечно, СМИ – это бизнес. Журналист участвует в бизнесе, если он не торгует собой. А многие восприняли понимание, что ты сам, профессионал, и твое имя – это то, что чего-то стоит, в буквальном смысле. Такая некоторым образом древнейшая профессия.

Мы видели, что во второй половине 90-х годов это уже началось, но процесс, конечно, резко активизировался в нулевые годы. Понятие репутации исчезало в этот период. Это произошло не вчера. И для того, чтобы общество

перестало уважать журналистов, одного года было бы недостаточно и десяти лет было бы недостаточно. Этот процесс шел долго.

Я как социолог видела, как журналисты искренне меняли свои взгляды, но понимая, что одни взгляды стоят дорого, другие – нет.

Мы проводили опросы в середине 90-х, потом в середине нулевых о том, какие имена журналистов помнят. Оказалось, что наше телевидение уже к 2005 году стало безымянным. Помнили буквально несколько имен. Все остальное слилось в массу. Потому что одинаковые стали. Причем не все эти имена касались, конечно, политики. До сих пор у нас в стране две самые главные политические фигуры – это Владимир Владимирович Путин и Андрей Малахов. Пишут обычно и одному, и другому.

А что касается политической журналистики, то здесь с этим сложнее. Хотя несколько имен еще помнят. Как мы знаем, в начале 90-х годов этих имен были десятки.

Мне пришлось несколько лет назад преподавать социологию журналистам в одном не очень знаменитом вузе, который здесь недалеко находится. Когда я пыталась объяснить студентам-журналистам, что надо иметь свое лицо для того, чтобы тебя заметили, и ты как-то себя проявил, мне руководство вуза сказала, что ваше дело – рассказывать про рейтинги и телеизмерения, а уж тут мы как-нибудь сами разберемся.

Идея, которую им активно внушают, такая: ты приходишь в бизнес – что скажут, то и напишешь. Если получше напишешь – значит побольше заработаешь. И, в общем, это такая сквозная идея. Потом я с ней столкнулась – мне пришлось делать проект для документального кино. То же самое: нам хочется работать в профессии – говорят они во время фокус-группы и интервью. Что закажут – то и снимем, но постараемся снять хорошо.

Как вы думаете, при такой репутации журналистского сообщества будет общество массово прислушиваться к тому, что они говорят? Если любит в данный момент власть общество – будет. Если меньше любит – не будет. Потому что журналист из самостоятельной фигуры, из представителя

самостоятельного института превратился в транслятора, в толмача, более талантливый или менее талантливый.

Я сказала: в середине 90-х годов, с одной стороны, это был, наверное, момент очень высокой репутации, который потом начинает падать. Почему? Да потому что именно в это время начинается возврат к трансляции советских ценностей, появляются знаменитые проекты типа «Старых песен о главном». Именно этот набор все настойчивее предлагается публике, и это снижает качество журналистики и разрушает репутацию журналистов.